

ГОРОДСКИЕ КОНЦЕПТЫ В ПОЛИЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ПОРТРЕТЕ ОДЕССЫ

Е.Н. Степанов

Лингвокультурное моделирование языка – это одно из базисных и активно развивающихся направлений в современной гуманитарной науке. Сегодня одним из наиболее востребованных является концептуальный подход к моделированию картины мира человека. Концепт – это условное ментальное образование, которое включает в себе результаты познания действительности, имеет сложную структуру и может быть выражено средствами языка. С национальными традициями миропонимания, историей общественного развития страны, региона, климатическими условиями связано то, что объём концептосфер может определяться в разных национальных группах по-разному, да и количество выделяемых концептосфер в разных языках может быть разным. Интересны в этом отношении полилингвокультурные регионы, где функционируют разные национальные языки, однако на базе одного из них формируется региональное либо городское койне, в котором, как правило, смешиваются несколько диалектов, литературная форма языка межнационального общения и заимствования из других языков региона. Благодаря своей прецедентной природе эти заимствования имплантируются в койне. В основе такой прецедентности лежат сценарии, как правило, регионального уровня.

Одним из общепризнанных современных полилингвокультурных локусов является город Одесса. Наблюдения показывают, что в народном сознании жителей разных регионов, носителей разных культур и субкультур топоним *Одесса* фиксируется как культурный концепт: топоконцепт <Одесса> как единица их ментальных лексиконов наполнен своеобразно воспринимаемым культурным смыслом, формируя культурную ценность данного концепта в языке и динамичную систему прецедентных феноменов [Романец 2011, 266], которые нередко выступают реакциями на стимул *Одесса* [Степанов 2008, 7; Романец 2009]. Согласно структурной типологии концептов И.А. Стернина, суперконцепт <Одесса> может быть представлен как мыслительная единица (смысловая отдельность) третьего типа структуры, в которой базовый слой окружён равноправными по степени абстракции сегментами [Стернин 2001, 59–60].

В данном разделе мы попытаемся фрагментарно показать полилингвокультурный характер суперконцепта <Одесса> на примере его объективации в городском койне, исторически сформировавшемся на базе русского языка [Степанов 2013], региональными прецедентными концептами, заимствованными из других лингвокультур Одессы.

Ранее мы установили, что наиболее продолжительными являются гомогенные русско-украинские контакты; значительную роль в истории языкового портрета Одессы играют также гетерогенное еврейское, греческое, итальянское, молдавское, французское лингвокультурные влияния [Степанов 2013, 414]. Определённое влияние на лингвокультурное пространство Одессы оказывали немецкий, болгарский, армянский и некоторые другие языки.

Концепты, приходящие из **украинского** лингвокультурного пространства, обычно воспринимаются как исконные при их объективации в городском койне Одессы. Яркими примерами являются <габелок>, <местечкóвый>, <под боком>, <перéкупка>, <боженята>, <хабарник>, <споймать>, <бить байдыки> и др.

Концепт <габелок> объективируется, в основном, в украинской диалектной лингвокультуре. В.И. Даль квалифицирует *габéлок* (< нем. *Kalbfell* – «шкура телёнка») как диалектное юго-западное, в современном понимании украинское слово.

Оно фиксируется Словарями Гринченко («шкіра молоді худоби»; «шкіра з шиї коня чи бика») и Белецкого-Носенко («шкіра з малого теляти», *габэль*). В украинских говорах Одесщины *габелок* – «неслухняна дитина» [Словник 2011, 47]; в полесских говорах *габелок*¹ – «шкура з молоді забитої тварини»; *габелок*² (и *габел*) – «мала дитина» [Лисенко 1974, 51]; в полтавских говорах *габелок*¹ – «стара, малоприматна для вжитку річ; шматок чогось»; *габелок*² – «іронічне прозивання старої людини, тварини» [Вашенко 1960, 22–23]. Полагаем, что *габелок* с дифференциальной семой 'молодой' (со значениями «дитя», «подросток») возникло как когнитивная зооморфная метафора в полесских и юго-западных украинских диалектах под влиянием полонизма *габэльок* [Желеховский 1982, т. 1, 133] – «телёнок» [нем. *junges Rind, junger Oche*] (< польск. *habel* [< ср.-латинск. *abellus* – «ягнёнок»], «телёнок, отлучённый от коровы» [Етимолог. словарь, т. 1, 445]). Коннотативная сема 'отсутствие родительского ухода' в одесском *габелок* делает наиболее вероятным появление этого слова в одесском городском койне (далее – ОГК) под влиянием украинского языкового адстрата в речи носителей юго-западных и полесских говоров, а также польского адстрата. Напр.: *А ну, габелки, давайте деньги или марш с парохода...* (В. Катаев. Разбитая жизнь...). *Смотрю, все габелки повыскакивали из отверстий котлов...* (Н. Матяш. Коровины дети). Имеются лексические реализации одесского концепта <габелок> с противоположной коннотативной семой – 'наличие родительского ухода'. Напр.: *Габеленяточко* (Из письма проф. Т.А. Тулиной, 15.03.2007). Так в начале 1950-х годов называл её маленькую дочь сосед – учитель русского языка.

Концепт <местечковый> является безэквивалентным в лингвокультуре Украины. Его ключевой репрезентант – лексема *местечковий* – прилагательное от безэквивалентного существительного *местечко*² (< укр. *містечко*), называющего одну из геоэтноисторических реалий на территориях, входивших до 1918 г. в черту оседлости российских евреев. Это прилагательное, в свою очередь, является производящим для некодифицированного просторечного слова *местечковость*, регулярного в ОГК. Напр.: *Моя [тёща. – Е.С.] жила в Крыжополе. В этой местечковой столице...* (М. Пойзнер. Помни имя её). *Это шо, – местечковое барокко?! Эти ШМЫРГОТНИКИ! Эти РЕМБРАНДТЫ!!! Шоб у них уже так глаза на лоб вылезли, как на моём потолке уже вылезла... дранка* (М. Пойзнер. Худсовет). В современных коннотативных структурах слов *местечковий* и *местечковость* в ОГК доминируют семы 'глупость' и 'ограниченность', а в денотативных макрокомпонентах значений этих слов одной из дифференциальных является этническая сема 'еврейский'. Коннотативные доминанты пришли из еврейского адстрата в XIX в. и обусловлены отношением большинства одесских евреев, сторонников Хаскалы, не соблюдавших консервативных правил еврейской традиции, к провинциальным, *местечковым* евреям, среди которых значительную поддержку находили лидеры хасидизма.

Концепты, формирующие специфические черты суперконцепта <Одесса> благодаря взаимодействию русской лингвокультуры города с **еврейской**: <бебехи>, <бекицер>, <мансы>, <пуриц>, <форцовщик>, <фуцэн>, <цимес>, <халоймес>, <хапать>, <мешигинер>, <две большие разницы>, <жить в дыре>, <кроме шуток>, <пятая графа> и многие другие.

Ключевой репрезентант концепта <пуриц> – просторечная лексема *пуриц* с коннотацией иронии. Синонимы слова *пуриц*: *задавака, надменный человек, богач с амбициями* и под. *Пуриц* в эмоциональной речи одесситов является метафорой еврейского (ид.) פּאַרעץ [пóрэц] – «помещик». Полагаем, что эта метафора распространилась в идиш в 1862 г., когда евреям разрешили быть собственниками земли. С 1864 г. она приобрела коннотацию иронии, так как царским указом евреям

вновь было запрещено приобретать имения. Тот, кто успел стать крупным землевладельцем, гордился этим. Работало также чувство зависти неуспевших.

Репрезентантами концепта <цимес> являются в ОГК все слова, с помощью которых можно дать высокую оценку качествам изделия, человека, события: *красиво, вкусно, замечательно, соблазнительно, класс!, лучше всех, самое главное, самое важное, самое интересное* и под., а также наименования некоторых блюд. Напр.: *Мужчина в 50 лет – это ещё почти мальчик, цимес, – говорила моя мама* (А. Львов. Крах патента). *Цимес* (< ид. צימס) – сладкое национальное еврейское блюдо, в основе которого – тушёная с мёдом морковь или чернослив [Всё о евр. кухне, 139, 146–148]. Наблюдается процесс размывания семантической структуры этого концепта. Одесситы в 2003 г. считали сему ‘морковь’ в слове *цимес*, как правило, лишней. Обычно *цимесом* называли варёную фасоль с сырым луком, размятую с куриным или гусиным жиром. Сегодня *цимес* часто используется как оценочное слово для любого вкусного кулинарного изделия.

Концепт <пятая графа> образован в ОГК способом концептуализации реалий. В пятую графу советского паспорта и анкет вписывали национальность. Скрытый антисемитизм в послевоенной Одессе, где еврейская община составляла пятую часть горожан, стал неприкрытым. Благодаря метафоризации сочетание *пятая графа* приобрело значение «национальность». В ОГК этот фразеологизм метонимизировался в направлении от гиперонима «национальность» к гипониму «еврей». Напр.: *С «пятой графой» в «Вышку»? [Высшее мореходное училище. – Е.С.] Туда не то, чтобы не брали – туда не подпускали* (М. Пойзнер. Одесские страницы и странички). Фразеологизм «*пятая графа*» стал производящим для ряда других единиц, функционировавших во II пол. XX в. в ОГК со скрытой семой ‘еврейский’: *иметь графу / быть с графой* = «быть евреем»; *коммунист с графой* = «коммунист-еврей»; *интеллигент с графой* = «интеллигент-еврей»; *абитуриент с графой* = «абитуриент-еврей» и др. Напр.: *Так или иначе, в 70–80-е годы поступить в партию интеллигенту, да ещё с «графой», было практически невозможно. Тем более в Одессе* (М. Пойзнер. Как я поступал в партию).

Ряд специфических одесских концептов возник благодаря взаимодействию русской лингвокультуры Одессы с **греческой**. Наиболее яркими сегодня являются <пиндос> и <кореш>. 17-ти томный ССРЛЯ (БАС) квалифицирует слово *пиндос* как устаревшее просторечное со значением «презрительное название грека». Напр.: *Чёртов пиндос, Гаварсаки!* (К. Паустовский. Время больших ожиданий). Опрос представителей греческой диаспоры Одессы (1999–2010 гг.) показал, что греки часто связывают слово *пиндос* с этнонимом *понтиец* («черноморский грек»). Однако *пиндос* и *понтиец* не являются родственными словами; изначально значение слова *пиндос* связано с негативным отношением приморских греков к субэтносу греческих горцев из района Пинда. В конце XVIII – нач. XIX в. в Одессу чаще попадали греки из Румелии и островитяне. Самыми бедными, неграмотными, диковатыми, малоцивилизованными были греки из горного района Пинд (н.-гр. Πίνδος) на северо-западе Греции. Известно, что ещё в древности греки из полисов считали полуварварскими горные племена греков-этолян, акарнанов, вольских локров. Сами греки в XIX в. *пиндосами* называли жителей Пинда. Значит, в ОГК *пиндос* < πίνδος) пришло из речи приморских греков как микроэтноним с оценочными семами ‘грязный’, ‘дикий’, ‘хамовитый’, ‘невоспитанный’, ‘необразованный’. Сегодня в этом контексте греки употребляют этноним *αβανος*. Отношение греков Архипелага к понтийцам во многом совпадало с отношением к горцам. В черноморском регионе концепт <пиндос> получает развитие как пейоративный этноконцепт в рамках грубого просторечия. Концептуальный слой, связанный с греческим этносом, в ЯКМ стирается, заменяясь концептуальным слоем,

связанным с этносами юго-восточной Азии. Концепт <пиндóс> в этом случае синонимичен пейоративному этноконцепту <филиппóк>. Такой сдвиг, происшедший в 1990-е годы в арго моряков, социально обусловлен: сегодня филиппинцы, индонезийцы, малайцы – основные конкуренты наших моряков на рынке труда, нередко пиратствуют.

В современном русском просторечии широко известны репрезентанты концепта <кореш>: *кóреш*, *корефáн*, *корешóк*. Напр.: *Кореш* моего *кореша* рассказывал, что у его *кореша*, высокопоставленного партийного работника, жена никак не может сдать в технологическом экзамен (М. Пойзнер. Как я поступал в партию). *Кореш* – образованный от греческой фамилии *Корено* отантропонимный одессизм. В русскую жаргонную речь и просторечие концепт <кореш> был имплантирован из ОГК, по-видимому, при активном участии Леонида Утёсова благодаря его неформальному авторитету среди молодёжи 1930-х годов. Артист писал, что грек Коля Корено в нач. XX в. был общепризнанным лидером одесской молодёжи благодаря победам в кулачных боях на горе Чумке: *На одесском «Олимпе» есть бог и боженята. [Городской бог – грек Колька Корено, на Молдаванке – Исаак-Большой кулак и Мотл-Дешёвка, на Пересыпи – Юрка Конский, на Слободке – Беня Буц]...* [Утёсов 1976, 14–15]. Всех почитателей Корено в Одессе стали называть «корешками». *Корешки* готовы были для него на всё [Там же, 15]. *Корено* → *корешок* (парономазия: *Корено* → *корень*; деминутивная суффиксация: *кóрень* → *корешóк*) → *кóреш* (усечение основы); *Корено* → *корефáн* (сложносокращённый способ: *Корено+фанат*) – «горячо преданный Корено».

Взаимодействие русской и итальянской лингвокультур в Одессе породило ряд одесских концептов: <портофранко>, <вира>, <майна>, <лава>, <левант> и др. Под общим влиянием греческой и итальянской лингвокультур возник концепт <катакомбы>, являющийся одной из визитных карточек Одессы. Шахтные выработки, в которых добывается камень *ракушечник* (в украинском языке и в русской речи одесситов *ракушняк*), в Одессе регулярно называют *катакóмбами* (< ит. *satacomba* – «подземная гробница», «подземелье», – а также от н.-гр. *катакóμβη*). Напр.: *Катакомбы...* – это искусственные подземные пустоты... Одни из них представляют собой бывшие *каменоломни*, другие – ходы из подвалов домов (в Одессе такие ходы чаще всего называли «*минами*») (В. Файтельберг-Бланк. Бандитская Одесса: «Двойное дно» Южной Пальмиры). *Мина* < итал. *mina* – «шахта», «рудник». Мы считаем, что в Одессе слово *катакомбы* стало ключевым репрезентантом благодаря широкому употреблению в языках жителей северо-западного Причерноморья ещё до основания Одессы. Латынь в своё время позаимствовала это слово из греческого, о чём свидетельствует наличие исконного греческого полисемичного префикса *ката-*, означающего движение вниз. Исконно русский репрезентант концепта <катакомбы> – *каменоломни* – используется в Одессе гораздо реже ключевого.

Интересно с т. зр. социальной диахронии функционирование репрезентанта *катакомбист*. Это слово не зафиксировано словарями. Однако так называют первых христиан Рима, устраивавших церкви в катакомбах. В койне Одессы в XIX в. *катакомбисты* – это, во-первых, масоны, местом встреч которых были катакомбы (Подобная *катакомба* находилась в Бярятинском переулке, где... собирались масоны... (В. Файтельберг-Бланк. «Двойное дно» Южной Пальмиры)); во-вторых – бандиты, спасавшиеся там от полиции с награбленным; в-третьих – *контрабандисты*, ожидавшие в катакомбах возможности обойти таможенню либо пронесившие по ним товары через границу порто-франко. Во время фашистской оккупации *катакомбисты* – это партизаны, дислоцировавшиеся в катакомбах. Напр.: *Москва не слышала*

катакомбистов, вот и приходилось совершать рискованные рейды в открытую степь (Ю. Корольков. В катакомбах Одессы).

Концепт <портофранко> занимает особое место в истории Одессы. Итальянизм *порто-франко* (<ит. *porto franco* – «свободный порт») был в XIX в. наиболее употребительным экономическим термином в Одессе. Режим *порто-франко* обеспечивал процветание города. Напр.: *Спутницы объяснили, что это черта портофранко. За этой рогаткой Одесса в таможенном отношении находится как за границей* (А. Скальковский. Одесса за 40 лет назад). Слово *порто-франко* в речи одесситов подвергалось метафоризации. Напр.: *Как истинное дитя Одессы, он [Фирлич. – Е.С.] знал толк в заморских винах и не иначе пил, как из четверкового стакана, который у него назывался портофранк* (О. Рабинович. История торгового дома Фирлич-и-К°). *Старопортофранковская* – самая длинная улица старой части города. В 1990 г. первый коммерческий банк города получил название «*Порто-франко*».

Одесскими концептами, возникшими в XIX в. в результате взаимодействия русской и **французской** лингвокультур и до сих пор функционирующими в ОГК, можно считать <делать базар>, <дама/мадам>, <дюк>, <бранжа>, <карантин>, <пулька>, <презент> и некоторые другие. Так, фразеоконцепт <делать базар> может в ОГК оязыковаться целым рядом других репрезентантов: *делать покупки, покупать провизию, ходить на базар, скупаться* и под. Ключевой репрезентант – калька с французского *faire le marché*.

Одесский концепт <дюк> (<*duc* – фр. «герцог») репрезентируется обычно в составе фразеологизмов, прямо или косвенно связанных с личностью первого градоначальника Одессы герцога (дюка) Эммануила де Ришелье либо с его памятником на Приморском бульваре. Напр.: *Дюковский сад/парк* (бывшая дача дюка де Ришелье). *Посмотри на дюка с люка!* – эвфемизированный одесский вариант негативно коннотатированных *ты здесь лишний, иди вон!, пошёл вон!* и других их синонимов. В основе фразеологизма лежит сценарий эротического зрительного эффекта у человека, смотрящего на Дюка из зоны второго люка по правой руке памятника. Императивные фразеологизмы *спроси/попроси у дюка; походи к дюку (до дюка)* могут иметь разные коннотации. До введения всеобщего тестирования Дюк «подсказывал» темы экзаменационных сочинений, вопросы билетов. Думаем, что в основе этого лежит значение франц. омонима *duc* – «филин» (мудрая птица). В Одессе из поколения в поколение передаётся культ Дюка – ангела-хранителя. *Дюк* – обычная для Одессы кличка сторожевой собаки. Обороты со словом *дюк* могут содержать и негативные оценки, возникающие, видимо, из-за неэффективности поверий. Так, в оборотах интеграционно-сравнительного типа мотивации *дюк* синонимично слову *истукан*: *Дюк по-французски – герцог. Но в Одессе «дюк» означало – хмурый дурак, недотёпа. «Молчит, как дюк». «Что ты сидишь, как дюк?»* (Л. Славин. Юрий Олеша).

Одесский концепт <пулька> возник в XIX в. Так в городе называли цыплят (<фр. *poulet* – «цыплёнок») и кур. Ключевой репрезентант и производное от него *пулечка* с наибольшей последовательностью используются в кулинарном дискурсе, обозначая куриную или цыплячью тушку, бедро, крыло, блюдо из курицы или цыплёнка. Чаще – бёдра. Напр.: *Я для холодца беру копыто и несколько куриных пулек: покупать петуха мне дорого. За такую цену будет колоть в зубы* (Из разг. 20.02.2003, ж. 83 г., медработник). В XX в. *пулька, пулечка* в ОГК подверглись зооморфной метафоризации. Напр.: *Боже мой! Какие ножки!! Какие пулечки!!!* (М. Пойзнер. Мой Староконный). Тут *пулечки* – девичьи ножки.

Благодаря взаимодействию русской и **молдавской** лингвокультур возникли и функционируют одесские концепты <Фонтан / не Фонтан>, <франзоля>, <пшёнка>, <мамалыга>, а также концепт <бодега>, возникший под влиянием **испанской** и трансформированный под влиянием **румынской** лингвокультур.

Концепт <франзоля>. В словаре В.И. Даля единственное слово *франзолья* квалифицируется как одесское. В XIX в. самыми популярными сортами хлеба в Одессе были *франзоля* (длинный по форме белый хлеб, «французская булка») и *грек* (тёмный хлеб). Напр.: *Кирияков... вручил фунт вкусной копчёной колбасы и две франзолы...* (В. Катаев. Разбитая жизнь...). *Берите, детки, франзольку...* (Журнал «Шквал», 1928, 14, 5). М. Фасмер считал это слово производным от нем. *Franzbrot* – «французская булка». Мы же полагаем, что немецкого влияния здесь нет. *Франзолья* – хаджибейское слово молдавского происхождения. Жители Молдаванки снабжали Хаджибей и порт продуктами растениеводства. В современном молдавском языке употребляются однокоренные слова: *franzela/франзелэ* («булка», «хлебный батон»), *franzelarie/франзелэрие* («булочная»). Закрепление финали *-олья* вызвано её продуктивностью в укр. языке и русском просторечии. Ср.: укр. и рус. диалектное *барабóля*; рус. *фасóль* – укр. *квасóля*, рус. прост. *фасóля* и др. Современные толковые словари русского языка не фиксируют слова *франзолья*, хотя в Одессе денотат и сигнификат слов *франзоля/франзоль* служат мотиваторами новых названий булочных и кафе.

Концепт <бодега> возник в лингвокультуре одесситов в XIX в. под влиянием испанского языка. Ключевой репрезентант в речи одесситов семантизировался, как и в испанском: «погреб для хранения и дегустации вин», «трюм на судне под фордеком», «склад товаров в порту». В период румынской оккупации концепт под влиянием румынского *bodegă* – «закусочная» – изменил семантическую структуру. В последнем значении слово *бодега* часто употребляли румынские солдаты. Быть владельцем *бодеги* стало прибыльным делом. В современном ОГК *бодега* – это «пункт общественного питания с плохим обслуживанием». Синонимичные репрезентанты: *пивная, рюмочная, бар, кафе, ресторан* (с негативной оценкой), *наливайка, забегаловка, тошнилровка* и под.

Взаимодействие русской лингвокультуры с **польской** дало основание для формирования концептов <фляк/фляки>, <злот>, <где> и некоторых других; с польской и украинской – фразеоконцепта <Обещанка – цяцанка, а дурному – радость>; с польской и еврейской – концепта <фанаберья>; с польской и греческой – концепта <фармазон>.

В I трети XIX в. репрезентантами концепта <фармазон> были слова *франкмасон, революционер, вольнодумец, либерал*. В русский язык *фармазón* было заимствовано из польск.: *farmazon* < н.-гр. *φάρμακονας* < фр. *franc-maçon*. Ещё в период пребывания в Одессе А.С. Пушкина, воспринимавшего греков как наиболее революционизированный этнос Европы той эпохи, слово *фармазón* употреблялось как псевдоэтноним греков. Однако к сер. XIX в. этот концепт стал приобретать репрезентанты с негативными коннотациями: *наглец, аферист, обманщик, мошенник*. Появилось производное от ключевого репрезентанта слово *фармазонщик*, синонимичное новым репрезентантам. Социолингвистический анализ приводит к выводу о том, что такая трансформация концепта <фармазон> имеет в основе одесский сценарий деловых отношений поляков с греками. Помещики-поляки производили зерно, кожу, шерсть и экспортировали их через Одессу, где была монополия греков (фармазонов) на транспортные услуги торгового флота. Посредники-греки нередко прибегали к откровенной наглости и мошенничеству монополистов. Поляки, разумеется, не молчали, но вынуждены были соглашаться и

терпеть убытки. Это и привело к структурно-семантическому сдвигу в концепте <фармазон>. Из ОГК изменения распространились на польское, русское, украинское просторечие, а затем были кодифицированы в этих языках. Напр.: **Фармазон** *хочет за что-то поспорить, причём так крупно, что аж волнуется* (В. Смирнов. Операция «Гиппократ»).

Концепт <фляк/фляки> был образован на основе метонимического переноса с польских *flaki, flaczki*, которым в русском языке соответствует соматизм *рубец* («телячий желудок») и прагматоним *рубцы* («густой суп с мясом телячьего желудка»), на нежелательные для еды части мясной туши (плеву, жилы, железы и под.). Напр.: *Этот кусок только собакам: там одни фляки* (Из разг., 27.01.2015, ж. 42 л.). В ОГК ключевой репрезентант данного концепта может иметь формы ед. и множ. числа (в отличие от мотиватора *pluralia tantum flaki, flaczki*). В ОГК слово *фляк,-и* приобрело метафорическое значение: «лишние жировые отложения, выделяющиеся на теле человека; целлюлит». Напр.: *Паша, где ты так разжирел? Спереди – пузырь, по бокам – фляки. Ужас! Срочно в зал и на диету! Никакого пива, хлеба, соли и сахара!* (Из разг., 15.04.2013, ж. 35 л.).

Таким образом, на примере одного из фрагментов суперконцепта <Одесса>, формирующегося на основе множества концептосфер городского полилингвокультурного пространства, мы попытались показать пути возникновения и функционирования специфических региональных/городских концептов. Обычно такие концепты появляются благодаря региональным сценариям прецедентного характера. Их ключевой репрезентант аккумулирует не только особенности сценария, но и лингвокультурный слой, в котором этот сценарий был разыгран.

Литература

- Романец Л.А.* Характеристика концепта <Одесса> в поэтическом военно-историческом дискурсе Великой Отечественной войны / Л.А. Романец // Наукові записки КДПУ. – Сер. Філологічні науки (мовознавство). – Кіровоград, 2011. – Вип. 95. – Ч. 1. – С. 265–270.
- Романец Л.А.* Прецедентные феномены в стихотворениях об Одессе Измаила Гордона / Л.А. Романец // Мова / ОНУ ім. І.І. Мечникова. – Одеса : Астропринт, 2009. – № 14. – С. 47–52.
- Степанов Е.Н.* Социальные аспекты городского прецедентного феномена и его статус в системе феноменов / Е.Н. Степанов // Мова. – Одеса : Астропринт, 2008. – № 13. – С. 5–10.
- Степанов Е.Н.* Русская городская речь в полилингвокультурном пространстве Одессы : дис. ... докт. филол. наук : спец. 10.02.02 «Русский язык» / Е.Н. Степанов ; Одесский нац. ун-т им. И.И. Мечникова. – Одесса, 2013. – 595 с.
- Стернин И.А.* Методика исследования структуры концепта / И.А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж : ВГУ, 2001. – С. 58–65.

Иллюстративная литература

- Ващенко В.С.* Словник полтавських говорів / В.С. Ващенко. – Харків : Вид-во Харк. ун-ту, 1960. – Вип. 1. – 108 с.
- Всё о еврейской кухне* / [сост.]. – Донецк : ООО ПКФ «БАО», 2004. – 272 с.
- Етимологічний словник української мови* : в 7 т. – К. : Наук. думка, 1982–1989.
- Желеховский С.* Малоруско-німецький словар : у 2-х т. / Євгеній Желеховський, Софрон Недільський. – Львів, 1884. – 1117 с. / [фотопередрук : у 3 т. – Мюнхен : О. Горбач, 1982].
- Лисенко П.С.* Словник поліських говорів / П.С. Лисенко. – К. : Наук. думка, 1974. – 260 с.
- Словник українських говорів Одещини* : близько 5 000 слів / [гол. ред. О.І. Бондар]. – Одеса : ОНУ ім. І.І. Мечникова, 2011. – 223 с.
- Утёсов Л.О.* Спасибо, сердце! : воспоминания, встречи, раздумья / Л.О. Утёсов. – М. : Всесоюзное театральное общество, 1976. – 480 с.